

тельность, а потом обмануть? Но есть и другая категория людей, которыми самоподача, ориентированная на установление контакта, завоевание доверия партнера, безусловно принимается, побуждает к сотрудничеству. В конечном счете, ее распространение в различных социальных группах способствует утверждению культурно-исторических норм, характерных для цивилизованных форм общения. Перспективы представляются обнадеживающими, так как в данном случае культурно-исторические и психологические факторы взаимодополняют друг друга.

Ю. Г. Гуцми
Глазов

ДУХОВНОСТЬ И СИСТЕМА КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЧЕЛОВЕКА ЗАПАДА, РОССИИ И ВОСТОКА

Духовность — это “объемное”, трудноопределимое понятие: понятие “духовность” не является вполне определенным, не отличается научной точностью. Оно трудно объяснимо наряду с такими общими категориями, как истина — ложь, красота — безобразие, добро — зло, любовь — ненависть. Обычно под духовностью понимается потребность личности в познании мира и себя (при осознании смысла жизни). Духовность — это способность человека осваивать культурные ценности, воспринимать нравственные ориентиры и следовать им в своих поступках. Духовность может восприниматься на уровне личности, группы (скажем, семьи), всего мира (одно из ее проявлений — любовь). Отличительный признак духовности на уровне группы — общность, единство всех ее членов. Духовность общества может найти конкретное проявление в сфере философии, религии, искусства. Очевидно, “золотой” XIX в. русской литературы отмечен высоким уровнем духовности. Тогда как в 20-е годы XX в. культура, несомненно, испытывала кризис, что нашло отражение в литературе и искусстве.

Сравнительное изучение сложившихся культурно-нравственных ценностей России, Запада и Востока позволяет указать заметную разницу в структуре обществ и во взаимоотношениях их отдельных членов и групп. Преодоление критических явлений на Западе возможно, по-видимому, при учете и использовании ценностных ориентаций Востока.

1. Западному миру свойственна открытость, тенденция к изменению первоначальной структуры, революционный характер развития. Европейскому мышлению присуща историчность

восприятия времени, т. е. его постижение через прошлое, настоящее и будущее. Восток же отличает неизменная структура обществ (их окостенелость), стремление сохранить микрокосм (мир малых величин) и макрокосмос в константном виде. Эти общества следуют по эволюционному пути развития. Восточный человек убежден в том, что мир вечен, идет не от начала к концу, а цикличен, движется по кругу.

2. На Западе мы сталкиваемся с культом знаний и рациональности, поэтому прогресс расценивается как интенсивное развитие производства. Вещные отношения доминируют над второстепенными личными. На Востоке же личные отношения ставятся выше всего: здесь возникает и поддерживается культ чувства, веры, мистики. Человек неустанно работает над своим внутренним миром, над духовным самоусовершенствованием.

3. Западу свойственна идеология насилия над природой и людьми. Личность наделена активной жизненной позицией. При этом мужское начало явно доминирует в человеческих отношениях. Особенность мира заключается в направленности системы вовне, “центробежный” ее характер. Здесь важными являются идеалы свободы, демократии, гражданского общества, поддерживается дух соперничества, расцветает индивидуализм. На Востоке бытует идеология ненасилия, пропагандируется идея гармонии с природой и обществом. Восточного человека характеризует двойственное отношение к миру: с одной стороны, созерцательное начало, с другой — активность духа, сознания. Женское начало в восточной культуре является определяющим. Особенность восточных обществ — в направленности системы вовнутрь, “центростремительный” ее характер. В отличие от Запада, на Востоке не личностная, а групповая ориентация.

4. Россия по ряду черт: культ материального прогресса, активное отношение к миру, идеология насилия, роль денег, революционный путь развития, идеалы свободы и гражданского общества, дух соревновательности и индивидуализма — относится, казалось бы, к западному миру. Однако Россия не представляет собой тип в чистом виде, так как в ее культуре сохраняются и элементы Востока: групповая ориентация, доминанта женского начала, преобладание отношений личной зависимости, возрождающиеся религиозные культы, восприятие труда как нравственного долга. Эти соображения позволяют классифицировать Россию как промежуточный тип цивилизации, для которого свойственны признаки западного и восточного миров.

Итак, “духовность” представляется нам понятием более широким, чем термин “культура”. Духовность зависит от шкалы принятых в обществе культурно-нравственных ценностей. Культурно-нравственные же ценности определяются духовностью общества.

Т. А. Бурлова
Екатеринбург

ИННОВАЦИОННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ: К ПРОБЛЕМЕ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК “НАСТОЯЩЕГО”

1. Проблема описаний характеристик “настоящего” имеет долгую историю попыток разрешения, которые привели к осознанию двойственности “настоящего”, происходящей из двойственного понимания времени. Эта двойственность представлена в вечном настоящем космических процессов и субъективном, эмоционально окрашенном настоящем краткой человеческой жизни. На пересечении этих двух смысловых темпоральных потоков предстает “настоящее” общества, отраженное в понятии “поколение”. Однако новые общественные тенденции “пост-модерности” выявляют более сложное соотношение между темпоральными характеристиками “настоящего” и инновационными процессами пост-современности.

2. Общественно-исторические черты инноваций, происходящих в “настоящем” обусловлены концепцией темпоральности. “Настоящее” древнегреческого полиса — это вечное возвращение, круговорот прошлого через будущее, — понятие основанное на цикличном видении времени. Инновация здесь понимается как возрождение и восстановление забытых древних истин, которые таким образом становятся совершенно новыми, ибо “нельзя в одну реку войти дважды”.

3. В средневековье клерикальной частью общества время понималось как момент вечности (понимание, отражающее магическую ментальность, которая превращает прошлое в настоящее, потому что канвой истории служит вечность), время было и историей, имеющей определенное направление, и эта история шла по нисходящей линии, являя собой картину упадка. Перед лицом этих двух клерикальных темпоральных концепций — пессимистической концепции упадка истории и вневременного оптимизма, — возникали и попытки оценить настоящее. Образ измельчания истории был повернут к выгоде настоящего времени (когда, принимая схему возрастов мира и